УДК 340.113.1
DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0037

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО ДИСКУРСА

© 2019

Скоробогатов Андрей Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова
(420111, Россия, Казань, ул. Московская, 42, e-mail: skorobogatov@ieml.ru)

Аннотация. *Цель статьи:* исследовать особенности формирования, содержания и функционирования правового дискурса в правовом пространстве российского общества. *Методологической основой исследования* является постклассическая парадигма, ориентированная на междисциплинарное философско-правовое исследование правовых явлений в широком историческом и социокультурном контексте и соответствующий ей комплексный дискурс-правовой анализ, позволяющий изучить принципы, основания и закономерности правовой деятельности на основе исследования вербальных и невербальных средств правовой коммуникации. *Результаты:* Статья посвящена исследованию проблемы формирования и функционирования правового дискурса в условиях виртуализации информационного общества. Сделан вывод, что правовой дискурс представляет собой совокупность правовых текстов, создание и функционирование которых не зависит от официального статуса их субъектов. Его формирование связано с горизонтальной правовой коммуникацией, в ходе которой адресант и адресат одновременно выступают в двух ролях, обмениваясь информацией. В условиях информационного общества значительная часть правового дискурса формируется в интернете, прежде всего, в социальных сетях и имеет вербально-визуальную форму. Монологично-диалогичный характер правового дискурса в современном мире обеспечивает высокую степень доверия адресата к получаемой правовой информации и стремление в качестве адресанта способствовать ее распространению. *Научная новизна:* в статье впервые с постклассических позиций проанализировано формирование, содержание и функционирование правового дискурса в условиях виртуализации современного российского общества. *Практическая значимость:* основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов о сущности и содержании правового развития.

Ключевые слова: правовой дискурс, правовая реальность, правосознание, виртуальная реальность, правовая коммуникация, правовая аргументация, юридический дискурс, правовые представления, правовое взаимодействие, интертекстуальность

VIRTUALIZATION OF THE MODERN LAW DISCOURSE

© 2019

Skorobogatov Andrey Valerievich, doctor of History sciences, associate professor, professor of the department of Theory of State and Law, Public Disciplines
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov
(420111, Russia, Kazan, Moskovskaya Street, 42, e-mail: skorobogatov@ieml.ru)

Abstract. *The purpose of the article:* to research the characteristics of the formation, content and functioning of the legal discourse in the law space of Russian society. *The methodological basis* of the study is a postclassical paradigm focused on an interdisciplinary philosophical and law study of law phenomena in a broad historical and socio-cultural context and its corresponding comprehensive discourse-legal analysis, which allows to study the principles, bases and regularity of law activity based on the study of verbal and non-verbal means of law communication. *Results:* The article is devoted to the research of the formation and functioning of the legal discourse in the conditions of virtualization of the information society. It is concluded that legal discourse is a set of legal texts, creation and functioning of which does not depend on the official status of their subjects. Its formation is related with horizontal law communication, during which the addresser and the addressee simultaneously act in two roles, exchanging information. In the conditions of the information society a significant part of the legal discourse is formed on the Internet, primarily in social networks and has a verbal-visual form. The monologic and dialogical nature of the legal discourse in the modern world provides a high degree of trustworthiness of the addressee to the received law information and a desire as an addresser to facilitate its propagation. *Scientific novelty:* the article for the first time from a postclassical position it is analyzes the formation, content and functioning of legal discourse in the context of the virtualization of modern Russian society. *Practical significance:* the main thesis and conclusions of the article can be used in scientific and educational activities when considering issues of the nature and content of law development.

Keywords: law discourse, law reality, law-awareness, virtual reality, law communication, law argumentation, legal discourse, law representations, law interaction, intertextualism

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Существование человека в обществе или локальном сообществе определяется его правовой идентификацией, находящей выражение не только в позитивном праве, но и в неформальных правилах поведения, составляющих различные виды неофициального права. Поэтому изучение отдельных правовых текстов и правового дискурса в целом имеет значение не только для лингвистических исследований, но и позволяет выявить особенности формирования юридического и социального механизма правового поведения индивида [1].

Методологической основой исследования является постклассическая парадигма, ориентированная на междисциплинарное философско-правовое исследование правовых явлений в широком историческом и социокультурном контексте и соответствующий ей комплексный дискурс-правовой анализ [2], позволяющий изучить принципы, основания и закономерности правовой деятельности на основе исследования вербальных и невербальных средств правовой коммуникации.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы. Обращение к языковым проблемам права произошло в 1960-е гг. в связи с лингвистическим поворотом в гуманитарных науках, в т.ч. юриспруденции (Д. Меллинкофф [3], В. М. О'Барр [4]). Однако собственно проблема дискурсивности права была поставлена лишь в 1980-1990-е гг. при разработке коммуникативной (Ю. Хабермас [5], М. ван Хук [6]) и аргументативной теорий права (Р. Алекси [7], Х. Перельман [8]). В России проблемы дискурсивности права стали активно изучаться в 2000-е гг., когда к ним практически одновременно обратились философы, юристы и лингвисты (Т. В. Дубровская [9], М. В. Коновалова [10], О. А. Крапивкина [11], И. В. Палашевская [12], А. В. Поляков [13], Н. Г. Храмцова [14], И. Л. Честнов [15] и др.).

Формирование целей статьи (постановка задания).

Цель статьи - исследовать особенности формирования, содержания и функционирования правового дискурса в правовом пространстве российского общества.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Правовой язык (правовая речь) [16] состоит из относительно самостоятельных видов: языки законодательства и подзаконных правовых актов, язык правоприменительной практики, язык юридической науки и юридического образования, язык юридической журналистики, язык правового общения и др. Нам представляется в этой связи необходимым проводить разграничение между юридическим дискурсом, отражающим нормативные и доктринальные юридические тексты, использующие официальный правовой язык (юридический язык государства, получивший формальное закрепление в законодательстве и используемый в правоприменительной практике), и правовым дискурсом. Предложенное О.А. Крапивкиной разделение юридического дискурса на институциональный и персонализированный [17], хотя и близко по смыслу к нашей классификации, все же представляется не полностью соответствующим особенностям формирования и функционирования правового дискурса, который существенно отличается от институализированного юридического дискурса, хотя имеет с ним определенное сходство по содержанию. Под правовым дискурсом мы понимаем «совокупность тематически однонаправленных высказываний, кодируемых различением “правовое/неправовое”, содержанием которых являются отношения с характеристикой “обладающие свойством юридичности”» [18]. Последний носит неформальный характер и находит выражение и закрепление в пассивном словарном запасе человека и общества (локальных сообществ), которые могут использовать тождественные термины, но наполнять их совершенно различным смыслом, сущность и содержание которого зависит от социального правового опыта группы и индивидуального правового опыта лиц ее составляющих. С помощью обыденного языка субъекты выражают свое видение права, артикулируют требования относительно увеличения объема прав и пытаются «установить» границы правового поля.

Как правило, в работах, посвященных дискурс-анализу или дискурсивной (аргументативной) теории права, изучается лишь юридический дискурс. Это касается не только отечественной [19], но и зарубежной философии права [20]. В то же время, как показано в ряде наших работ, юридическая и правовая сфера жизни общества не являются тождественными. Правовая сфера гораздо шире и включает в себя поведение индивида, основанное на соблюдении неформальных (неофициальных) правил поведения [21]. Именно последние и выступают одним из элементов правового дискурса.

Нам представляется, что правовой дискурс все больше вербализуется. Это связано с широким распространением социальных сетей и предпочтением аудитории получать новую информацию и общаться именно с их помощью. По данным ВЦИОМ на февраль 2018 г. «45% опрошенных россиян старше 18 лет пользуются хотя бы одной из социальных сетей почти каждый день, 62% - хотя бы раз в неделю». Причем чем младше возраст, тем выше процент лиц, активно использующих социальные сети для общения: для лиц в возрасте 18-24 года количество пользующихся социальными сетями регулярно возрастает до 91% [22]. Можно предположить, что в более раннем возрасте этот процент еще больше увеличивается. Как показывают исследования, общение в социальных сетях имеет специфичный характер [23]. Это придает виртуальному правовому дискурсу совершенно иную форму и содержание по сравнению с юридическим.

Если юридический дискурс является частью институционального и имеет стандартизованные формы закрепления и выражения [24], то правовой носит ярко выраженный неинституциональный характер. Правовой дискурс отражает особенности организации и функционирования самоорганизующихся открытых социальных систем (общество, локальное сообщество, отдельный индивид как субъект разнообразных социальных взаимодействий и коллективов). При этом не всегда можно последовательно определить автора конкретного правового текста (правового высказывания вербального и невербального характера). Поэтому на первый план выступает не реконструкция авторского смысла текста, а его деконструкция, интерпретация читателем и (или зрителем), который одновременно выступает и в роли потребителя правовой информации (адресата), и ее создателя (адресанта).

Формирование правовых представлений и языковых средств их выражения человеком и обществом (локальным сообществом) носит дихотомичный характер. С одной стороны, на формирование правосознания группы оказывает определяющее влияние правовая традиция, содержащая значительный пласт архетипов и мифологем. С другой стороны, непосредственные формы выражения правовой информации в правовой коммуникации [25] носят преимущественно ситуативный характер и зависят от степени распространения монологических и (или) диалогических форм вербализации общения членов общества (локального сообщества). Чем больше степень диалогизации правового общения членов группы, тем более стандартизованным становится используемый ею правовой язык, смысл лексем которого преимущественно опирается на правовую традицию. Участники правовой коммуникации стремятся достичь единообразного понимания и интерпретации правовых лексем, смысл которых определяется различными социальными контекстами правовой жизни группы. Такой правовой язык формируется, прежде всего, в профессиональных сообществах, где коммуникация индивида в рамках как реальной группы, так и номинальной в значительной степени подчинена формализованным юридическим и этическим нормам. Контекстуальность правового дискурса определяется степенью формализованности правовой жизни. Так, судьи в России связаны не только в профессиональной деятельности, но и во внеслужебном поведении как Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации» [26], так и Кодексом судейской этики [27] (который также имеет юридическую силу: нарушение его норм влечет юридическую ответственность (ст. 21.1 Закона РФ «О статусе судей»). Следствием этого становится правовая коммуникация исключительно на основе официального юридического языка [28]. Как представители единого профессионального сообщества (как на уровне реальной группы, так и номинальной) они строят внутренние отношения, основываясь на соглашении, содержание которого обусловлено юридически обязательными для них юридическими и этическими нормами.

Устная монологическая речь, если она носит профессиональный характер, ориентирована на книжный литературный язык, основу ее составляет кодифицируемый литературный язык. Если монологичность не связана с профессиональной деятельностью, то языковые средства выражения существенно более разнообразны и ситуативны. Коммуникатор стремится выразить свою мысль теми языковыми средствами, которые понятны, прежде всего, ему лично, носят субъективный характер. Однако, в случае ориентированности монолога на иных субъектов коммуникатор стремится придать им интерсубъективный характер (хотя и понимаемый субъективно и ситуативно). Это ярко проявляется в явлениях виртуальных демотиваторов, мемов и хэштегов, создание которых носит субъективный монологичный характер, а распространение приобретает черты интерсубъективности и диалогичности. В современной социальной, в т.ч. правовой реальности, демотиваторы, мемы и хэштеги приобрели черты важнейшего коммуникативного средства, охватывая все стороны массовой культуры [29]. В значительной степени этот успех объясняется их внешне

иррациональным характером. Будучи ориентированными на эмоциональную оценку, а не рациональное объяснение, они воспринимаются субъектом как возможность проявить свое творческое начало (свободу) в их интерпретации. Визуальный характер значительной части мемов и демотиваторов существенно минимизирует роль национального правового языка, способствуя глобализации юридического дискурса.

В то же время современные политологические исследования социальных сетей показывают их максимальную ангажированность и направленность на формирование в адресате оценки выгодной для адресанта [30]. Однако оценочность характерна не только для правового, но и для юридического дискурса, и является необходимым средством наделения субъекта возможностью самостоятельных действий [31].

Диалогический юридический дискурс относительно категорий коммуникативных участников имеет две разновидности: 1) адресату и адресанту свойственные равные социально-речевые роли; 2) адресат и адресант имеют неравные социально-речевые роли. В первом случае адресат и адресант относятся к одной профессиональной группе, такой диалог по своим лексическим параметрам сближается с монологическим юридическим дискурсом. Неравенство социально-речевых ролей адресата и адресанта позволяет квалифицировать их как «диалог неравных», где один участник коммуникации − профессионал, который владеет юридической терминологией, а другой коммуникант – рядовой гражданин. В таком диалоге неравная социально-речевая роль ситуативно совпадает со структурным неравенством в диалогической стратегии, которая определяется специалистом и в которой непрофессионалу отводится зависимая реактивная роль [32].

При преимущественно монологичном характере правового общения как внешние формы выражения правовых лексем, так и их смысл будут иметь фрагментарность и индивидуализацию. Их формирование и содержание преимущественно определяются индивидуальным правовым опытом человека. При этом группа (особенно номинальная) может использовать различные лексемы для обозначения схожих понятий. Эти лексемы будут синонимичны, но не тождественны. Смысл, вкладываемый субъектом в лексему, будучи зависимым от индивидуального правового опыта, будет ситуативным и может различаться в соответствии с особенностями правовых действий в конкретном правовом акте. Чем меньше степень институализации группы, тем более фрагментированным будет правовой дискурс. Особенно ярко это проявляется при общении соседей по дому.

Содержание правового дискурса в целом определяется национальной правовой традицией. Для него характерно дихотомичное восприятие правовой реальности и наличие вербальных оппозиций «хорошо-плохо», «добро-зло», «правильно-неправильно», «закон-справедливость», содержание каждого элемента которых в значительной степени мифологично. Однако отношение конкретного субъекта к одной из сторон оппозиции зависит не только от социального, но и индивидуального правового опыта и в количественных показателях может быть представлено от нуля до абсолюта [33].

Однако в условиях расширения пространства правовой коммуникации за счет преимущественно виртуального пространства ситуация несколько меняется [34]. Во-первых, необходимо учитывать изменение понятий реальная и номинальная группа благодаря формированию виртуальных сообществ. С одной стороны, их члены не имеют личных контактов, т.е. соответствуют признакам номинальной группы. С другой стороны, процесс виртуальной коммуникации, хотя и имеет значительную темпоральную протяженность, все же носит дву- (много-) сторонний характер, соответствуя признакам коммуникации реальной группы.

Во-вторых, виртуальная коммуникация может носить как монологичный, так и диалогичный характер. Это обуславливает как усиление ситуативности правового дискурса, так и одновременно расширение использования лексем, получивших распространение в сообществе. Правда, зачастую субъект употребляет лексему не в истинном смысле, а придавая ей собственное значение, определяемое индивидуальным правовым опытом.

В-третьих, при виртуальной коммуникации происходит смешение профессиональной и разговорной лексики, хотя не всегда конкретный субъект адекватно понимает первоначальный смысл каждой лексемы. Если в процессе правовой коммуникации членов номинальной группы в ней присутствуют субъекты, для которых профессиональная лексика является повседневной, то они имеют потенциальную возможность семиотического воздействия на иных представителей группы [35]. Это касается, например, сообществ одноклассников или геймеров. Однако если в дальнейшем эти понятия используют индивиды, не имеющие опыта их применения в профессиональной деятельности и не связанные формальными рамками официального юридического языка, то профессиональные юридические лексемы могут получать совершенно иной смысл, имеющий ситуативный характер.

Любая информация (даже внешне не носящая правовой характер) может стать правовой в силу определенной логики суждений, осуществляемых адресатом коммуникации [36]. Руководствуясь правовым опытом (социальным и индивидуальным) субъект наделяет правовым содержанием интерпретируемую социальную реальность пространственно, темпорально, когнитивно и функционально. Интерпретируемые лексемы приобретают нормативный смысл не в силу создания или назначения, а в силу использования (восприятия). Формируется своеобразный симулякр [37] правовой реальности. Зачастую индивид понимает условность и управляемость такой правовой реальности и возможность выхода из нее в любой момент, как это происходит с геймерами. Однако одновременно это ведет не только к фрагментации правовой реальности, но и признанию ее множественности.

Виртуальность правового дискурса существенно расширяет конструктивистский потенциал человека [38]. Признавая двуединство мнимого и истинного в правовой реальности, ее автономность и одновременно порождаемость, индивид воспринимает себя актором, способным конструировать не только аргументы, чтобы позиционировать себя аксиологически, но и различные аспекты правовой реальности (как мнимые, так и истинные). Примером последнего может служить подготовленное виртуальной правовой коммуникацией участие несовершеннолетних лиц в митингах несистемной оппозиции, ставящих своей целью модернизацию правовой системы.

Поскольку виртуальная коммуникация представлена не только письменным правовым дискурсом, но и визуальным, для нее характерно широкое использование клише (речевых стереотипов и графических образов). Если в профессиональной коммуникации клиширование способствует однозначному, короткому выражению мысли, то при правовом общении субъектов, не связанных профессиональной юридической деятельностью, использование клише, как и легальных определений, в большей степени необходимо для позиционирования одного из субъектов себя в качестве актора с целью сконструировать в адресанте представление о себе как лице, не только способном принимать абстрактные решения, но и оказывать непосредственное воздействие на адресанта. Это также достигается применением паремий, метафор и синонимов (вербального и визуального характера) с целью оказать воздействие на адресанта не только формально, но и образно, семантически. Особенно широко это используется при виртуальном общении с несовершеннолетними представителями несистемной оппозиции.

Герменевтическая открытость смыслов [39] правово-

го текста дополняется семантическим мультивлиянием интерпретативного потенциала правовых суждений и образов в виртуальной среде. При этом правовой диалог адресанта и адресата правовой информации заменяется не только вербальным и визуальным, но и бихевиристическим полилогом субъекта правовых действий (в т.ч. пассивной интерпретации) с виртуальным объектом. Однако этот полилог не всегда предполагает наличие четко обозначенных субъектов. Следствием этого становится монологичность его отдельных составляющих, т.е. правовой дискурс приобретает монологично-диалогичный характер.

Как показывают современные лингвистические исследования, текст имеет интертекстуальный характер. «Использование интертекстуальных включений отвечает замыслу автора ввести читателя в атмосферу определенной эпохи, отсылки к определенному явлению или факту» [40]. Это касается и юридического текста [41], интертекстуальный характер которого проявляется в двух аспектах. С одной стороны, своеобразно выраженным вариантом интертекста можно считать бланкетные и отсылочные нормы. С другой стороны, использование в юридической практике и юридическом образовании различных справочных информационных систем позволяет юристу активно использовать интертекстуальные возможности виртуального пространства. В последнем случае любой юридический текст, включенный в правовую систему, становится интерстекстом, поскольку включает в себя множество гиперссылок как нормативного, так и доктринального характера, которые не только облегчают понимание текста, но и формируют совершенно новый юридический дискурс.

В еще большей степени это касается правового дискурса, который не связан формальными рамками. Прежде всего, речь идет о фрагментации и визуализации правовой информации, широком распространении демотиваторов, мемов и хэштегов, которые несут не только явную правовую информацию, вложенную в них автором. При последующих использованиях они приобретают дополнительные коннотации и аллюзии, связанные не только с контекстом репостов, но и добавлением в правовой текст принципиально новой информации, смысл и содержание которой может существенно отличаться от первоначальной. Тем самым происходит не только формирование нового правового дискурса, но и качественное изменение его бытия в пространстве. Дискурс становится не только материальным, но и процессуальным. Его содержание и смысл находится в постоянном изменении, носящим ситуативный характер как применительно к уже известным субъектам дискурса, так и вновь вовлеченным в него индивидам.

Соединение в одном лице адресанта и адресата правового дискурса приводит к тому, что меняется роль субъекта при чтении текста: из комментатора он становится смыслообразователем. В случае с использованием хэштегов этот новый смысл транслируется во внешнюю среду, не имея конкретного адресата. Будучи направлен на самопрезентацию субъекта [42], он может использоваться и иными лицами с той же или иной целью. Тем самым правовой дискурс приобретает интерсубъективный характер.

Хэштег приобретает черты открытого текста, лишь условно имеющего сюжетную фабулу (скорее речь идет об области его использования, причем не только с позиций автора хэштега, но и иных лиц, его использующих). Он становится динамическим пространством смыслообразования, возможности которого обусловливаются искусственной стыковкой (но не синтезом) асинхронных поливалентных высказываний [43]. Смысл проявляется не только в использовании адресантом хэштега разнообразных символов и метафор, контекстов и мнений, принадлежащих к разным культурам и эпохам, но и в наделении их адресатом новым значением.

Интерпретация такого правового текста адресатом будет основываться на субъективном выборе текстов-предшественников, имеющих эксклюзивное значение в каждом конкретном случае. Выбор этих текстов во многом зависит от особенностей правового опыта индивида и степени его социализированности и идентификации. Однако если в случае с юридическими текстами приобретенные в ходе вторичной правовой социализации правовые ценности [44] определяют необходимость отсылки к норме и ее толкованию в рамках юридического дискурса профессионального сообщества, с которым себя идентифицирует индивид, то правовой текст существенно разностороннее, и его интерпретация будет максимально ситуативна.

Однако при этом необходимо учитывать, что пользователи социальных сетей рассматривают правовую коммуникацию с помощью мемов и хэштегов горизонтально, где все участники общения имеют равные возможности высказать свое мнение и поделиться своей информацией, в т.ч. по правовым вопросам. Следствием этого становится более высокая степень доверия и уменьшение критичности восприятия оценок адресантов социальных сетей, чем СМИ [45-47]. Именно этим обусловлено столь «трепетное» отношение к лайкам и репостам, которые в данном случае воспринимаются как подтверждение горизонтальности коммуникации. Целенаправленное использование в правовой коммуникации протестных мотивов формирует не только виртуальную, но и вполне реальную угрозу (риск) обществу [48]. Ярким примером этого является «арабская весна» в странах Ближнего Востока или «майдан» на Украине [49-51].

Это позволяет сформулировать ряд признаков правового дискурса, вытекающих из его виртуальной природы: анонимность, спонтанная (ситуативная) ориентированность, самодостаточность, самоцельность (в себе цель), поверхностность, неустойчивость (вариативность) позиции, придающих ему черты саморганизующейся и саморазвивающейся системы (аутопойезис) [52]. Это осложняет привлечение к ответственности участников правовой коммуникации. Не случайно были внесены изменения в Уголовный кодекс, связанные с частичной декриминализацией действий в виртуальной среде, подпадающих под нормы ст. 282 [53].

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Таким образом, правовой дискурс представляет собой совокупность правовых текстов, создание и функционирование которых не зависит от официального статуса их субъектов. Его формирование связано с горизонтальной правовой коммуникацией, в ходе которой адресант и адресат одновременно выступают в двух ролях, обмениваясь информацией. В условиях информационного общества значительная часть правового дискурса формируется в интернете, прежде всего, в социальных сетях и имеет вербально-визуальную форму. Монологично-диалогичный характер правового дискурса в современном мире обеспечивает высокую степень доверия адресата к получаемой правовой информации и стремление в качестве адресанта способствовать ее распространению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Честнов И.Л. Критический дискурс-анализ как метод постклассической теории права // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Юридические науки. – 2014. № 1(13). - С. 67-74.

2. Храмцова Н.Г. Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения. Монография. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2012. - 180 с.

3. Mellinkoff D. The Language of the Law. - Boston: Little, Brown and Co., 1963. - XIV, 454 p.

4. O'Barr W.M. Linguistic evidence: Language. power, and strategy in the courtroom. (Studies on Law and Social Control). - New York: Academic, 1982. – XV, 192 p.

5. Habermas Jű. The theory of communicative action. – Boston: Beacon Press, 1984. – Vol. 1-2.

6. Van Hoecke M. Law as Communication. – Oxford: Hart Publishing, 2002. - 215 p/ (Русский перевод: Хук М. ван. Право как коммуникация / Пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. - СПб.: Издательский

дом С.-Петерб. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. - 288 с.)

7. Alexy R. Begriff und Geltung des Rechts. - 2. Aufl. - Freiburg (i.B.)/ München: Karl Alber, 1994. 215 s. (Русский перевод: Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) = Robert Alexy. Begriff und Geltung des Rechts; пер. с нем. / [А. Лаптев, Ф. Калыюйер]; [В. Бергманн, пред., сост.]; [Т. Яковлева, науч ред.]. - М.: Инфотропик Медиа, 2011. - 192 с.)

8. Perelman Ch. Ethique et Droit. - Bruxelles: Editions de l'Université de Bruxelles, 2012. - 832 p.

9. Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). – М.: Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. – 351 с.

10. Коновалова М.В. Эвокационная категория когерентности на примере юридического дискурса: монография. – Челябинск : Энциклопедия, 2014. – 144 с.

11. Крапивкина О.А. Субъект в условиях юридического дискурса: лингвопрагматический анализ: монография. - Иркутск : ИРНИТУ, 2015. - 154 с.

12. Палашевская И.В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: монография. - Волгоград: Парадигма, 2012. - 346 с.

13. Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. - СПб.: Алеф-Пресс, 2014. - 575 с.

14. Храмцова Н.Г. Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения. Монография. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2012. - 180 с.

15. Честнов И.Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. - СПб.: СПб юридический институт генеральной прокуратуры РФ, 2000. - 104 с.

16. Ковкель Н.Ф. О проблеме самостоятельности понятия «правовой язык» // Вестник Белорусского государственного экономического университета. - 2010. - № 2. - С. 88-95.

17. Крапивкина О.А. Оппозиция «Институциональное VS. Персональное» в юридическом дискурсе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. - 2012. - № 3. - С. 71-74.

18. Пономарев А.М. Дискурсивность права: философско-методологические аспекты: автореф. дис. ... докт. филос. наук. – М., 2013. - С. 12.

19. Культуральные исследования права: монография / под общ. ред. И.Л. Честнова, Е.Н. Тонкова. – СПб.: Алетейя, 2018. – 466 с.

20. Алекси Р. Юридическая аргументация как рациональный дискурс / Перев.: М.В. Антонов // Российский ежегодник теории права. 2008. – СПб.: Юридическая книга, 2009. - Т.1. – С. 446-456.

21. Скоробогатов А.В., Юсупов А.А. Неофициальное право в контексте правового поведения // История государства и права. – 2018. - № 8. – С. 9-14.

22. Каждому возрасту свои сети // Официальный сайт ВЦИОМ. – URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691 (дата обращения: 04.01.2019).

23. Казнова Н.Н., Овчинникова И.Г. Специфика коммуникации в социальных сетях по сравнению с блогосферой // Вопросы психолонгвистики. – 2014. - № 21. – С. 86-97.

24. Борисова Л.А. Юридический дискурс: основные характеристики // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2016. - № 14. – С. 133-151.

25. Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. - Т. 2: Актуальные проблемы философии права и юридической науки в связи с коммуникативной теорией права / под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова; предисл. Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. - СПб.: Алеф-Пресс, 2014. - 533 с.

26. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 12.11.2018) «О статусе судей в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792; Собрание законодательства РФ. 2018. № 45. Ст. 6830.

27. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 08.12.2016) // Бюллетень актов по судебной системе. - 2013. - № 2.

28. Палашевская И.В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: монография. — Волгоград: Парадигма, 2012. — 346 с.

29. Наволока Ю.С. Хэштег-текст как новый формат текста в интернет-пространстве (на примере социальной сети «Инстаграм») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2018. - № 12(90). - Ч. 3. - С. 568-573.

30. Шерстобитов А.С., Брянов К.А. Технологии политической мобилизации в социальной сети «Вконтакте»: сетевой анализ протестного и провластного сегментов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2013. - № 10. - Ч. 1. - С. 196-202.

31. Беляева О.М. Оценочные понятия и категории в российском праве // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. - № 1. – С. 203-208.

32. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты поведения. - М.: ЛКИ, 2007. – С. 137.

33. Ольков С.Г. Закон «добра и зла», нелинейная функция справедливости, политические режимы и деформации политических систем // Актуальные проблемы экономики и права. - 2015. - № 2. - С. 147–154.

34. Курбатов В.И. Виртуальная коммуникация, виртуальное сетевое мышление и виртуальный язык // Гуманитарий Юга России. - 2013. - Т. 10. - № 4. - С. 56-68.

35. Каргин К.В. Участники юридической аргументации // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. - № 2. – С. 164-169.

36. Гайнуллина Л.Ф., Леонтьева Л.С. Право на коммуникацию: должное и сущее // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. - № 4. – С. 217-225.

37. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. – М.: Постум, 2015. – 240 с.

38. Честнов И.Л. Социальное конструирование правовой идентичности в условиях глобализации // Вестник РГГУ. Сер. Экономика. Управление. Право. – 2010. – № 14(57). - С. 15-20.

39. Парадигмы юридической герменевтики: монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. – СПб.: Алетейя, 2017. – С. 13-26.

40. Никитина Д.А. Интертекстуальные включения как способ реализации когнитивно-прагматических функций в художественном тексте (на примере романа Ф.С. Фицджеральда «По эту сторону рая» // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. - № 3. – С. 29-31.

41. D'Hondt S.; Van der Houwen F. Quoting from the case file: How intertextual practices shape discourse at various stages in the legal trajectory // Language & Communication. – 2014. - Т. 36. – P. 1–6.

42. Щурина Ю.В. Коммуникативно-игровой потенциал хэштегов // Вестник Череповекого государственного университета. – 2015. - № 8. – С. 100-104.

43. Церюльник А.Ю. Использование хэштега и инстаграм-блогах // Международный научно-исследовательский журнал. – 2018. - № 6 (72). – Ч. 2. – Июнь. – С. 110-115.

44. Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И. Вторичная правовая социализация как средство освоения правовых ценностей // История государства и права. – 2018. - № 2. – С. 65-70.

45. Зорина Е.Г. Технологии подрыва легитимности государственной власти, используемые в интернет-пространстве // Информационные войны. – 2016. - № 1(37). – С. 80.

46. Емашов Я.И. Американские fake news как угроза для Российской Федерации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 314-317.

47. Василенко С.А., Аляутдинова Д.Ф. Особенности информационного сопровождения операции российских ВКС в Сирии мировыми СМИ // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 319-322.

48. Бабурин С.Н. Политические, социально-экономические, правовые и цивилизационные риски на пути России и славянского мира к устойчивому развитию // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11, № 2. С. 114–121.

49. Нечитайло Д.А. «Аль-Каида» и «Исламское государство» - общее и особенное // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 409-412.

50. Ильинова К.Г. Политика киевских властей в отношении юго-восточных регионов Украины (2013-2016 гг.) // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 233-235.

51. Табунов И.А. Политический регионализм и политическая элита в Украине как конфликтогенный фактор // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 291-294.

52. Меламед Ю. Перепостили – следовательно, существую: что такое текст в фейсбуке // Логос. – 2012. – № 2(86). – С. 10–18.

53. Федеральный закон от 27.12.2018 N 519-ФЗ «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2018. - 29.12. - № 295.

Статья поступила в редакцию 26.02.2019
Статья принята к публикации 27.05.2019